ВЕСЕЛАЯ СЕРЬЕЗНОСТЬ

ВЫШЛА в свет книга в ярко-оранжевой обложке, а на обложке — силуэт человека с собственным сердцем в руках. И называется эта книга не совсем обычно: «Спасибо, сердце!» — словно сама с собой говорит. Она и действительно сама с собой говорит, поскольку все автобиографии делают, в сущности, то же самое. Третье издание автобиографии народного артиста, знакомого множеству людей на нашей земле, — Леонида Осиповича Утесова.

Третье издание, но не переиздание. Автор сам признается, что набирал опыт жизни в промежутки между каждым из них, — и в третьем есть то, чего нет в предыдущих, — осознание этой новой «порции» опыта, — и соответствующие из него выводы.

Книгу многие прочтут залпом, — она очень занята, бесхитростно весела, написана сердцем человека, всю

Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!». Всесоюзное театральное общество. Москва. 1976.

жизнь живущего этим своим большим, открытым людям, безобидным и очень добрым сердцем. В ней много зарисовок из жизни, разговоров, сценок, смешных и забавных ситуаций, особенно в первой части. Но есть и нечто очень серьезное, заставляющее думать, побуждающее взяться за перо, чтоб поделиться мыслями, рожденными этой книгой. Почти в центре ее есть глава «Дело жизни». Начинается она как бы «эпиграфом», — большими буквами, единственными на целой странице: «Я придумал театрализованый джаз. Жанр небывалый. Собираю единомышленников. Но за новое надо бороться». Это — краткое содержание всей большой главы, где рассказывается о рождении и борьбе за место в искусстве знаменитого «Театр-джаза» Утесова.

Я начала читать эту книгу с особенным чувством вины. Дело в том, что первое мое знакомство с джазом было где-то за рубежом, совершенно случайное. С плохим моим слухом я не восприняла самой музыки. Но когда музыканты, что-то свистя, шумя и

пища на своих смешных, мне почти незнакомых инструментах, стали подходить друг к другу со странными ужимками и гримасами, — я просто «skonфузилась» за них, и мне показалось это нелепым кривляньем... Но вот, развернув книгу Утесова на главе «Дело жизни», я прочитала: «...таких номеров, как наш театр-джаз, тогда на эстраде не было. Были джазы, созданные по образцу зарубежных... Мы же предложили совершенно новый, никем еще не испробованный жанр — театрализованный джаз».

Итак — совсем не то, что оглушало на зарубежных эстрадах. Но тогда — что же? И вот сам Утесов дает объяснение, такое глубокое и новое, что заставляет думать и касаться глубин нашего мышления и воображения. Я приведу здесь большую цитату, потому что иначе не смогу подойти к порождаемому ею важным мыслям: «Инструментальные ансамбли всегда немного кажутся составленными из абстрактных, бесплотных, бесхарактерных людей, которые

воспринимаются как части большого механизма. У нас же каждый музыкант становился самостоятельным характером. Наши музыканты вступали друг с другом не только в чисто музыкальные, но и в человеческие взаимоотношения. Оркестранты не были прикованы к своему месту, они вставали, подходили друг к другу, к дирижеру и вступали в разговор при помощи или инструментов, или слова... Музыкальные инструменты как бы очеловечивались, приобретая индивидуальность, и в свою очередь окрашивали своим характером поведение музыканта». Здесь поведение музыкантов в утесовском джазе предстает не только не случайным, — оно философски осмыслено, оно делает исполнение зримо диалектичным, вскрывая связь между человеком и его инструментом, а главное — наводит на неожиданную мысль, поднимает из глубины памяти давние, полусознанные, полужабытые образы... Быть может, именно потому немало больших музыкантов сердечно отзывались о джазе: Рахманинов, например, на

вопрос, правда ли, что он написал что-то для джаза, ответил: нет, но написал бы с удовольствием.

Какие же полужабытые, полусознанные образы всплывают в памяти после этой удивительной цитаты Утесова? Музыкальные инструменты, — дело рук человека, — сперва «очеловечиваются, приобретают индивидуальность», потом, как бы в ответ своему творцу, — «окрашивают своим характером поведение музыканта»... Чем-то древним веет от этих слов. Пастух сам вырезывает свою свирель из тростника, да и тростник... Тютчев в одном из стихотворений назвал человека мыслящим тростником:

И ропщет мыслящий
тростник...

А у Пушкина, в его «Музе»:

...Тростник был оживлен
божественным
дыханьем...

И образ пастуха не связан ли у нас с его свирелью, с его окруженьем, — лугами, стадом, ароматом густой травы и прямым, рабочим назначеньем свирели — призыва, зова. А если поближе к нашему времени, то гармошка, гармонь — не бродит ли она, по слову поэта, не движется ли в человеческих руках, разжимаясь и сжимаясь, не создает ли она, — этот прототип или последний фисгармонии, — определенный образ в нашей душе? И если мы вспомним инструменты других национальностей — восточные, закавказские зурну, дудуки, тар, кяманчу — вспомним, с какой величайшей любовью украшают свой саз перламутром, как страстно сотрясают шейку кяманчи, вода по ее струнам смычком, как взывает зурна к бесконечному хлопанью в такт музыка человеческими ладонями, —

ведь это народное, рожденное народом, связанное с движением человека, с ритмикой его тела, — «окрашиванье своим характером поведения музыканта»... Характер инструмента вливается в него, срастается с ним, исторгает жест, создает настроение, — и в театр-джазе подходят друг к другу, задирают друг друга, сообщаются в музыкальном слове «человек-труба», «человек-саксофон»... За слугой Утесова я считаю открытие в джазе его, как ни странно звучит это, народного начала.

Я коснулась только одной, серьезной, стороны книги Уте-

сова. Но, жизнь его, — постоянное служение радости народной, создание у народа светлого, доброго настроения, помощи и облегчения ему всюду, в часы отдыха и работы, в окопах Отечественной войны, на полевых станах и у станков, — несение народу нашему той песни, с которой «никогда и нигде не пропадешь», — все это вычитывается в «веселой серьезности» сердечной и очень скромно рассказанной книге, которую Леонид Осипович Утесов, народный музыкант, назвал «Спасибо, сердце!».

Мариэтта ШАГИНЯ